

*Е.Е. Бергер**

**«РАДОСТЬ ПИГМАЛИОНА»:
САМООЩУЩЕНИЕ ХИРУРГА В «МЕМУАРАХ»
Д.-Ж. ЛАРРЕЯ**

В данной статье предпринята попытка на основе «Мемуаров» Д.-Ж. Ларрея проанализировать внутренний мир французского хирурга эпохи наполеоновских войн и выяснить, какое влияние оказала профессия на его систему ценностей. Ларрей индифферентно относится к политике и целям войны. Медицинская профессия требует соблюдения определенных правил, в соответствии с которыми он оказывал помощь всем раненым, в том числе пленным, и оставил интересные наблюдения о нравах и обычаях различных народов. В «Мемуарах» нашли отражение «профессиональная деформация» врача, строгое следование врачебной этике, сильно развитая эмпатия, сочувствие к болезням и бедам, стремление оказать помощь конкретному больному.

Ключевые слова: Доминик-Жан Ларрей, военная хирургия, Амбруаз Паре, Наполеоновские войны

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-267-283

Блеск наполеоновской эпохи в значительной степени объяснялся тем, что императора окружали выдающиеся люди. Это не только военачальники, но и ученые. Среди них известны, по крайней мере, два врача, чьи открытия вошли во все учебники по истории медицины. Оба они получили от Наполеона баронский титул, оба были кавалерами ордена Почетного легиона. Это Жан-Никола Корвизар (1755-1821), один из основателей современной диагностики, введший в практику перкуссию грудной клетки, и Доминик-Жан Ларрей (1766-1842), хирург, прошедший с Наполеоном все сражения от Тулона до Ватерлоо, основатель военной медицины¹. Его *ambulances volantes* («летучие лазареты») – легкие фургончики, оснащенные медицинским оборудованием и вывозившие раненых с поля боя, – стали прообразом системы скорой

* Елена Евгеньевна Бергер, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ В нашей стране имя Ларрея знают все, кто читал «Войну и мир», – именно Ларрей, волей Толстого, по приказу Наполеона осматривал раненого князя Андрея после Аустерлица: « – C'est un sujet nerveux et bilieux, – сказал Ларрей, – il n'en réchappera pas».

помощи и основой современной «медицины катастроф»². О Ларрее и его научных приоритетах существует множество исследований, и писать о нем легко, поскольку он оставил не только научные трактаты, но и подробные мемуары³. В некрологе, опубликованном *British Medical Journal* в 1842 г., Ларрей назван «Нестором французской военной хирургии»⁴.

Мемуары Ларрея интересны прежде всего как историко-медицинский источник. Необходимо учитывать, что они относятся к тому периоду истории хирургии, когда последнюю еще собственно и «хирургией» назвать было сложно. Это – ее «доисторическая», донаучная эпоха: до изобретения наркоза, асептики, учения о группах крови, – эпоха, когда были возможны лишь самые простые хирургические операции, имевшие, тем не менее, огромный процент летальности, причем далеко не всегда по вине хирурга. Тот же Ларрей, владевший блестящей оперативной техникой, утверждал, что ампутация для раненого менее опасна, нежели долгое пребывание в госпитале, где он с большой вероятностью погибнет от «госпитальной горячки». «Сорок пять ампутаций рук, предплечий, ступней и ног были проведены в моем присутствии главными хирургами наших подвижных лазаретов. Все операции, проведенные в первые двадцать четыре часа, увенчались успехом, те, которые делались на третьи или четвертые сутки, заканчивались хуже» (4, 25). Для того чтобы раненый перенес операцию без обезболивания, хирургам было необходимо действовать не просто быстро, а стремительно: Ларрей, по его утверждению, после Бородинского сражения более суток не отходил от операционного стола и за это время провел 200 ампутаций, а следовательно, на одну ампутацию он тратил 7-8 минут⁵. Описания давно устаревших оперативных техник, рассуждения об эпидемических заболеваниях и принципах организации медицинской помощи на поле боя помогают понять логику развития медицины за последние два столетия, но ясно, что такая хирургия в настоящее время осталась только в учебниках истории.

В то же время не следует забывать, что Ларрей – человек фантастической биографии, каких немало было в наполеоновскую эпоху.

² Le Corps de santé militaire en France, son évolution, ses campagnes, 1708-1782. P.-Nancy, 1907.

³ Larrey D.J. Mémoires de chirurgie militaire, et campagnes. P., 1812-1817. Vol. 1-5. (Далее ссылки на это издание даются в самом тексте статьи в скобках, где указываются номер тома и страницы).

⁴ Death of Baron Larrey // *British Medical Journal*. 1842; s1-4

⁵ Porter R. The Greatest Benefit to Mankind. N.Y-L., 1998. P. 362.

Рано остался сиротой, воспитывался дядей – хирургом госпиталя в Тулузе, затем обучался в парижском Отель-Дьё, попробовал себя в качестве корабельного хирурга и успел совершить плавание в Америку, но оказался чрезмерно восприимчив к морской качке (впоследствии, уже в России, при переправе через Днепр он перенесет тяжелый припадок с тошнотой и галлюцинациями, который проанализирует с холодной врачебной объективностью), был свидетелем Французской революции, стал главным хирургом наполеоновской армии и одним из первых кавалеров ордена Почетного легиона, во время Итальянского похода организовал первую в мире эффективную систему помощи раненым на поле боя, руководил военными хирургами во время эпидемии чумы в Яффе, поразившей французскую армию, был с Наполеоном и в Москве, с трудом пережил отступление из России (не прекращая, однако, наблюдений о восприимчивости разных этнических групп к русским морозам), был взят в плен при Ватерлоо и едва избежал расстрела, прожил еще почти 30 лет после крушения наполеоновской империи. Он смертельно заболел во время врачебной инспекции в Алжире и через неделю, 25 июля 1842 г., скончался в Лионе. Ларрей был похоронен на кладбище Пер-Лашез, но в 1992 г. его останки перенесли в Дом Инвалидов. Эпитафия на надгробном памятнике взята из «Завещания» Наполеона: «Ларрею, самому добродетельному человеку из всех, кого я знал». Имя Ларрея высечено на Триумфальной арке⁶.

Эта внешняя биографическая канва, наряду с многочисленными научными открытиями и несомненным литературным даром Ларрея, не может не привлекать исследователей. Но его мемуары дают не только ответ на вопрос, в каких походах участвовал Ларрей и какие операции проводил, но и позволяют понять, что он при этом чувствовал. А также – что чувствовали его пациенты.

Такая постановка вопроса в применении к историко-медицинским источникам возникла относительно недавно. Это и понятно: хирурги, постоянно сталкивавшиеся со страданиями и смертью, редко выражали письменно свои эмоции. Долгое время многие из них были и вовсе неграмотными: статус хирургии как университетской дисциплины и как равноправной отрасли медицины определился лишь в XVII в.⁷ Но с какого-то момента хирурги все же

⁶ *Soubiran A.* Le Baron Larrey, Chirurgien de Napoléon. P., 1966; *Marchioni J.* Place à Monsieur Larrey, chirurgien de la Garde impériale. Arles, 2003.

⁷ *Zimmerman L.M.; Veith I.* Great Ideas in the History of Surgery. Baltimore, 1961.

«заговорили», и стало ясно, что они могут отрефлексировать свои эмоции письменно или изобразительно, писать от первого лица, испытывать (или не испытывать) сочувствие к больным, выражать мнение о военных действиях, в которых принимали участие, занимать чью-либо сторону, наконец, описывать свою частную жизнь.

«Голоса хирургов» стали предметом изучения в британском проекте «Хирургия и эмоции»⁸, где на английском материале убедительно показано, что саморефлексию у представителей этой профессии, проявляющуюся в письмах, дневниках, воспоминаниях, рисунках, а порой в стихах и художественной прозе, можно наблюдать лишь с XVIII в. В данной статье будет предпринята попытка проанализировать внутренний мир французского хирурга эпохи наполеоновских войн и выяснить, влияла ли профессия на его систему ценностей.

Во Франции еще в эпоху Возрождения сложилась традиция литературных мемуаров (Пьер д'Этуаль, Брантом, Сюлли), в XVII-XVIII вв. ее продолжили Сен-Симон, Ларошфуко и многие другие⁹. В наполеоновскую эпоху этот жанр не утратил популярности. Известны записки не только самого Наполеона¹⁰, но и лиц из его ближайшего окружения. Но среди этих источников практически нет мемуаров, написанных медиками, и Ларрей – едва ли не единственное исключение. И возникает вопрос – а чем врачебные мемуары отличаются от, допустим, военных или придворных?

Хотя хирурги действительно рассказывали о себе крайне редко, у Ларрея на этом поприще есть весьма знаменитый предшественник. «Я следую примеру Амбруаза Паре, гордости французской хирургии, – писал Ларрей в предисловии к «Мемуарам» (1, 9) Действительно, кумир Ларрея, великий французский хирург Амбруаз Паре (1510-1590) был не только реформатором хирургии, но предвосхитил и жанр врачебных мемуаров. Ларрей с юности считал Паре примером для подражания¹¹, и не случайно в первой же

⁸ С основными результатами британских исследователей можно ознакомиться на сайте <http://www.surgeryandemotion.com>

⁹ См., например: *Les Français vus par eux-mêmes. Le siècle de Louis XIV, une anthologie des mémorialistes du siècle de Louis XIV.* P., 1997.

¹⁰ *Mémoires de Napoléon. T. 1 La campagne d'Italie, 1796-1797.* P., 2010 ; *Mémoires de Napoléon. T. 2 La campagne d'Égypte 1798-1799.* P., 2011; *Mémoires de Napoléon. T. 3 L'île d'Elbe et les Cent-jours, 1814-1815.* P., 2011.

¹¹ В историографии часто эти два имени упоминаются вместе – преемственность очевидна. *Zimmerman L. Humanity and compassion in medicine (Ambroise Paré, Baron Dominique-Jean Larrey) // The Chicago Medical School quarterly. 1968. № 27. P. 233–234; Wangensteen O.H., Wangensteen S.D., Klinger Ch.F. Wound Management of Ambroise Paré and Dominique Larrey,*

главе «Мемуаров» он пишет, что на пути в Париж, проезжая через Лаваль, «видел место рождения Паре, отца французской хирургии <...>. Зайдя в этот дом, я почувствовал благоговение» (1, 4). Отметим, что, по стечению обстоятельств, церковь Сент-Андре-дез-Арк в Париже, где был похоронен Паре, закрыли в годы Революции и окончательно снесли в 1809 г. по приказу Наполеона, с которым так тесно была связана жизнь Ларрея¹².

До какой степени можно говорить о литературной преемственности двух указанных трудов? *Œuvres* Амбруаза Паре позиционировались как учебник для молодых хирургов¹³, но в них сделаны автобиографические вставки для дидактических целей. В последнем прижизненном издании появилась отдельная часть под названием *Voyages*, имевшая уже чисто автобиографический характер. Паре считал, что сама жизнь хирурга может служить примером, полезным для обучения молодых, которые смогут равняться на заданные образцы поведения и избегать ошибок¹⁴. Ларрей пошел тем же путем, но его труд – уже собственно мемуары. В результате появилось произведение, которое можно считать, так сказать, зеркальным отображением книги Паре: если последний пишет учебник с автобиографическими вставками, то Ларрей издал мемуары с медицинскими текстами в приложении. Это – трактаты об ампутациях, о глазных болезнях (на египетском материале), о чуме, об опухолях. Он идет следом за Паре и расширяет жанр его «военных путешествий», которые Паре называл не вполне уместным словом *voyages*, а Ларрей более логично – «кампаниями» или «экспедициями». Он тоже предназначал свой труд «молодым хирургам», написав наставление им в форме мемуаров: «Я считаю нужным обрисовать военные события, которым был свидетелем <...>. Одно из самых надежных средств сделать более уверенными его [военного хирурга – Е.Б.] шаги по его тяжкому пути – без сомнения, показать ему картину опасностей, которым подвергаются военные хирурги, их успехи и мужество, и я могу это сделать, мне кажется, самым подходящим образом» (1, VI).

great French military surgeons of the 16th and 19th centuries // Bulletin of the History of Medicine. 1972. Vol. 46. № 3. P. 207-234.

¹² Épitaphier du vieux Paris, recueil général des inscriptions funéraires. P., 1840. Vol. 1. P. 5-7

¹³ Les Œuvres d’Ambroise Paré, ... divisées en vingt huit livres avec les figures et portraits, tant de l’anatomie que des instruments de chirurgie, et de plusieurs monstres, reveuës et augmentées par l’auteur. Quatriesme Edition. P., 1585. P. 3.

¹⁴ Бергер Е.Е. «Если бы вы были там» («Путешествия» Амбруаза Паре) // Universitas historiae. Сборник статей в честь П.Ю. Уварова. М., 2016. С. 371-377.

Ларрей считает наиболее правильным продемонстрировать «картину опасностей» на своем личном примере, и действительно, в его военной биографии было с избытком и бедствий, и побед, и открытий: «Показать беды, которые причинили нам железо и огонь, исследовать причины болезней, которые они нам принесли на чужой земле, и указать средства, которые нам предоставляет искусство врачевания, – вот задача, которую я должен выполнить. Пусть она и не блестящая, но имеет то достоинство, что утешает душу человечества, давая ему надежду, что опыт прошлого, по крайней мере, уменьшит тяготы войны» (1, 8).

В то же время автор не исключает и интереса к его труду более широкой аудитории: книга может попасть в руки тех, «кто предпочитает читать описания битв без хирургических подробностей» и считает излишним читать о тяжести ранений и болезней. Но ключевой темой книги, интересной для всех, Ларрей считает заботу о раненых: «чувство справедливости» требует знать, как сложилась их судьба в военных походах. Характерно, что ранний труд Ларрея «Исторический и хирургический рассказ об экспедиции Восточной армии в Египет и Сирию», написанный в 1803 г., был посвящен «первому консулу Бонапарту, за особые его заботы о раненых в Египте и Сирии и за все хорошее, что он мне сделал»¹⁵. В предисловии к «Мемуарам» автор также не исключает, что для более широкой публики могут быть интересны краткие описания мест, где все происходило, облика и нравов местного населения, «отличных от привычных нам», эпидемических болезней и средств гигиены. Таким образом, наряду с чисто врачебными задачами был заявлен подход путешественника с интересом к естественным наукам, но никак не хирурга армии.

Ларрей весьма скупо упоминает о своем детстве, учебе (колледж, затем медицинская и хирургическая школа в Тулузе) (1, 1-2) и на этом основании можно предположить традиционное ремесленное, хирургическое «ученичество». Он, как и Амбруаз Паре, не учился в университете, хотя еще в XVIII в. хирургия прочно вошла в разряд университетских дисциплин. При этом – и здесь снова напрашивается аналогия с его знаменитым предшественником – он, по-видимому, был талантливым самоучкой, что доказывает не только его блестящий литературный слог, но и бога-

¹⁵ Larrey D.-J. Relation historique et chirurgicale de l'expédition de l'armée d'Orient, en Égypte et en Syrie par D.-J. Larrey, docteur de l'École spéciale de médecine de Paris, chirurgien en chef de l'Armée d'Orient. P., 1803. P. 2

тый культурный багаж. Стилль Ларрея порой вызывает ассоциации с античной или классицистической риторикой: при организации Египетского похода он «написал в медицинские школы Монпелье и Тулузы и просил прислать определенное количество хирургов обученных, храбрых, способных выдержать трудности <...>; едва мое приглашение достигло школ, *они стали оспаривать честь разделить наши потери и нашу славу*» (1, 182, курсив мой – Е.Б.).

Он знаком с античной литературой и философией, с трудами французских просветителей, и все эти аллюзии вплавляются в текст мемуаров изящно и органично. Описывая опасность переохлаждения (на примере российских морозов, разумеется), Ларрей приводит рассказ Квинта Курция (с указанием главы и страницы) о купании Александра Македонского в ледяной реке, а также историю знаменитого физика Бернулли, утонувшего в холодной Неве («хотя он и умел плавать») (4, 226); центр Москвы напоминает ему о древних Афинах с ареопагом и храмом Минервы (4, 43), а катастрофическое падение дисциплины у французской армии он описывает метафорически: «Москва стала нашей Капуей» (4, 46).

Разумеется, при анализе «Мемуаров» не может не встать вопрос о том, в какой степени в них отражена профессиональная деятельность автора. Действительно, он много пишет о своей работе, по праву гордится разработанной системой «летучих лазаретов», благодаря которой было спасено много жизней. Впервые эта система была применена в Австрии и оказалась чрезвычайно эффективной: «Это произвело сенсацию среди солдат: они смогли получать помощь сразу в момент ранения» (1, 66). Во время Итальянских походов «летучие лазареты» получили дальнейшее распространение и стали неотъемлемой частью французской армии. Ясно, что помощь раненым прямо на поле боя подвергала особой опасности военных врачей, о гибели которых Ларрей пишет с большой горечью: в Египте врачи находили смерть и от болезней («М. Маскле, первоклассный хирург, молодой человек больших заслуг, который умер от чумы, жертва своего усердия и самоотверженности» (2-191)), и в ходе военных действий («Множество арабов преследовало нас <...>. Горе солдатам, которые там оказались! Хирург из моего лазарета был одной из первых жертв» (2,194)). Он многократно подчеркивает героизм своих коллег: «Все хирурги без исключения дали самые яркие доказательства храбрости и преданности в этой битве; лазареты корпусов и пол-

ков были на своих местах и прекрасно выполняли свои обязанности» (4, 37).

Очевидно, что в военных походах Ларрея в первую очередь волновало состояние здоровья военных, которое зависело не только от побед и поражений, но и от множества иных факторов: климат, питание, инфекции. Участникам наполеоновских походов довелось увидеть невероятное географическое и климатическое разнообразие – от альпийских вершин и египетских пустынь до заснеженных равнин России. Изначально было непонятно, насколько тяжело французским солдатам будет переносить жару и мороз. Поэтому интерес к природе носил прежде всего «прикладной» характер: перед Египетским походом Ларрей дотошно расспрашивал своих коллег о влиянии египетского климата на новоприбывших европейцев, о чумных бубонах и об основных симптомах самых тяжелых болезней. «Как оценить потери, понесенные нами, не зная устройства страны, природу жителей и имя наших врагов? Как узнать, от чего страдали наши солдаты, если я пренебрегу деталями марша по пустыне?» (1, 182).

Тема влияния климата на «дух нации» была весьма популярна в этот период, и Ш.-Л. Монтескье уже написал трактат «О духе законов», где речь шла о формировании психологических характеристик южных и северных народов. Но врачам важнее было не рассуждать о нравах и обычаях, а решать конкретные клинические задачи, связанные с солнечными ожогами или обморожением. Описывая отступление из России, Ларрей замечает, что, как ни странно, южане (испанцы и итальянцы) переносили холод легче, чем голландцы и норвежцы, «сохраняя бодрость и смелость», что противоречит идеям автора труда «О духе законов», утверждающего, что северяне легче адаптируются к морозному климату (4, 111-113).

Специфика местного климата действительно часто играла решающую роль в исходе военных кампаний. Особенно тяжелым для французских солдат оказался Египетский поход: «Никогда армия не терпела столь жестоких бедствий» (2, 192, 193). Солдаты мучились жаждой под палящим солнцем, «миражи дополнили наши злключения». Нечего и говорить о влиянии зимних условий на исход Отечественной войны 1812 года.

К тяжелому климату часто прибавлялась непривычная местная пища. Дизентерия и другие кишечные инфекции значительно уве-

личивали смертность в войсках, и медицина начала XIX века не могла результативно с этим бороться. В мемуарах Ларрея можно встретить немало описаний удачно проведенных операций, после которых солдаты умирали не от ранений, а от лихорадки и дизентерии. Под Можайском состояние русских раненых ухудшалось оттого, что «они ели один картофель, плохо приготовленный, и луковичные растения. Их питье состояло из воды и редко пива, так что я оставил им около 200 бутылок вина, чтобы использовать его в медицинских целях тем раненым, которые были в наиболее плачевном состоянии» (4, 17).

Гибель подстерегала людей порой и в самых неожиданных ситуациях: во время Польской кампании французская армия встретила с местным напитком под названием шнапс (schnaps), «ставшим фатальным для многих молодых. Эта жидкость в слишком большом количестве имеет ужасный эффект для непривычных». Шнапс, считает Ларрей, изготавливают из зерна с добавлением некоторых наркотических растений, ибо никак иначе нельзя объяснить реакцию солдат, выпивших слишком много: у них отмечалось посинение кожи, судороги, потеря сознания, они падали прямо на дороге, и многие умирали (4, 10-11).

Ларрей уделяет большое внимание не только превратностям климата и пищи, но и эпидемическим заболеваниям, которые представляли едва ли не большую опасность для армии, чем боевые потери. Самая тяжелая эпидемическая ситуация ждала французов в Египетском походе. Помимо чумы, Ларрей описывает скорбут (цингу), которым, по его данным, в Александрии было охвачено три с половиной тысячи человек, и из них более двух третей погибло (2, 288). 700 человек было отправлено во Францию, но «все они были выздоровевшими или на пути к выздоровлению, шестеро или семеро умерло в пути». При осаде Каира в войсках были зафиксированы случаи желтой лихорадки. Этот диагноз поставил сам Ларрей, и некоторые его коллеги с ним не согласились, но впоследствии его версию подтвердили англичане, имевшие колониальный опыт: «Англичане, и в частности их солдаты, вернувшиеся из Индии, были не более подвержены ей, чем мы» (2, 230).

Существенную часть воспоминаний Ларрея составляют описания ранений и операций. Опуская чисто хирургические фрагменты текста, для анализа которых нужны специалисты с медицинским образованием, заострю внимание на двух аспектах.

Во-первых, эти тексты снова возвращают нас к Амбруазу Паре. Именно Паре ввел в хирургическую литературу регулярное описание «кейсов», отдельных случаев, сделав их неотъемлемой частью обучения хирурга. Врачи знают, что каждый больной индивидуален и ни в одном учебнике студент-медик не найдет всего разнообразия болезней и ранений, с которыми им придется столкнуться на практике. Зная это, Ларрей делает описание «интересных клинических случаев» частью повествования. При этом, если продолжать проводить аналогии с текстом Паре, то последний явно предпочитал описывать операции с благополучным исходом, делая исключения для тех случаев, когда он оказывался прав в плохом прогнозе, а его коллеги неправы. Ларрей же далек от такого подхода и подробно рассказывает о раненых, погибших вследствие операций или же от послеоперационных осложнений.

Во-вторых, Ларрей не проводит различий между своими пациентами и постоянно подчеркивает, что лечит всех: и своих раненых, и солдат противника. «Русские лечились наряду с нашими, получали ту же помощь и тот же уход» (4, 34). Среди приведенных им описаний ранений и операций встречаются люди всех наций, сословий и чинов, ему в равной степени интересны все они как «клинические случаи», и в равной мере он сочувствует всем больным. «Среди интересных ранений» под Смоленском он отмечает французского офицера, которому пришлось удалять пулю из мочевого пузыря, русского солдата, которому осколок изуродовал лицо, и многих других (4, 26 и далее). Описывая ранение русского полковника, одного из первых пленных, и операцию, которой он подвергся, Ларрей заключает: «Мне было приятно узнать, что он полностью выздоровел». Когда «клинические случаи» заканчивались плачевно, это вызывало тяжелые переживания, независимо от личности больного: «Мой несчастный и интересный русский пациент ослаб, появилась лихорадка, затем обнаружилась дизентерия, <...> он умер, как и многие другие, на двадцать девятый или тридцатый день после операции» (4, 350); «наиболее беспомощные русские были забыты или оставлены в домах, покинутых жителями; трудно описать их плачевное состояние (4, 357)».

С этим связана еще одна психологическая особенность Ларрея: он, как и многие врачи, был способен полностью дистанцироваться от политики. В этом вновь очевидно его психологическое сходство с Амбруазом Паре, который сохранял не только политиче-

ский нейтралитет, но и лояльность к приверженцам иной конфессии – до такой степени, что религиозная принадлежность самого Паре до сих пор остается предметом дискуссий. Ларрею, как и Паре, пришлось пережить весьма драматические страницы истории Франции, и поразительно, насколько скупо они отражены в «Мемуарах». Характерно его описание революционных событий: когда стали слышны «первые раскаты грома Революции, в Сент-Антуанском предместье» произошла кровавая стычка; некоторых раненых рабочих привезли в Отель-Дьё, «там я изучал клиническую хирургию у Дезо» (1, 48). Далее идет описание техник перевязки, которые врачи использовали в данном случае, и подробное объяснение, стоит ли при обработке ран использовать щелочь. Собственно, больше о Революции Ларрей не сообщает практически ничего: политические события как бы прошли мимо него – он лечил. Таким же образом он дистанцировался и от целей и смысла Наполеоновских войн. «Ненавижу ложь и политику», – пишет Ларрей, и эти слова точно характеризуют его мироощущение.

В еще меньшей степени в тексте «Мемуаров» присутствует «образ врага». Слово *enpneti* Ларрей использует нечасто, и оно не несет никаких отрицательных коннотаций. Он проявляет любопытство к другим народам, их нравам и обычаям, описывая их подробно и достаточно точно, будь то поляки или сипаи, виденные им в английском лагере (2, 294). На Мальте «жители показывают пример гигиены» (1, 187), в Мантуе, напротив, очень грязно, нездоровый климат, жарко, часты лихорадки и желудочные болезни. «Иностранец, остановившийся там на несколько дней, почти наверняка заболит» (1, 128). Повествуя о нравах и обычаях венецианцев, Ларрей констатирует, что они сильно отличаются от жителей всех других городов, даже в Италии (1, 135): женщины там, как правило, пользуются большой свободой, прогуливаясь одни или в сопровождении кавалеров; жители Венеции «любят деньги, однако гостеприимны, вежливы и предупредительны» (1, 138). При этом Ларрей язвительно замечает, что хотелось бы больше дисциплины у пехоты и моряков этого региона, что венецианцы «выродились», оказавшись недостойными своей славной истории, и были не в состоянии защищаться и сохранить независимость, которую им оставил генерал Бонапарт, объединяя Итальянское королевство. Это одно из немногих оценочных суждений по отношению к представителям других народов, ибо, как правило,

Ларрей их себе не позволяет. Интерес к другим народам, однако, ни в коей мере не уменьшает его патриотизма и восхищения наполеоновской армией. Под Смоленском «враг ожесточенно сопротивлялся, но чего они могли ожидать, столкнувшись со столь многократно доказанной доблестью и стойкостью французов» (4, 30).

Ларрей в силу своей профессии уделяет особое внимание больницам и госпиталям в тех местах, где оказывалась французская армия. В Итальянском походе на него большое впечатление произвел госпиталь в Турине (1, 131), который считался одним из лучших в Европе и был очень удобен для больных: хорошее проветривание, жалюзи на окнах и хорошие кровати. В сноске Ларрей выражает желание, чтобы нечто подобное было построено и в Париже, из чего можно сделать вывод, что парижский Отель-Дьё не вызывал у него такого же восторга. Интересно, что Ларрей очень высоко отзывается о московских больницах, уверяя, что они устроены «не хуже тех, что есть у самых цивилизованных наций мира» (4, 65). Главный военный госпиталь в Москве¹⁶, по его мнению, можно сравнить с госпиталем при Военной школе в Париже. Он вместителен, удобен и рационально устроен, в каждом крыле здания находятся по 50 кроватей, но их число можно увеличить до 300. Ларрей отмечает также в Москве Шереметьевскую, Голицынскую и Александровскую больницы, и Воспитательный дом (Enfants-Trouvés). По словам Ларрея, уходя из Москвы, русские вывезли из Воспитательного дома всех детей обоего пола старше семи лет, а оставшихся малышей разместили в одном крыле, там же размещали и раненых.

Это внимание к больницам определяется не в последнюю очередь тем, что французским медикам часто приходилось организовывать свои госпитали даже в таком неподходящем месте, как Египет, где единственный хороший госпиталь Ларрей обнаружил в Каире. Бывало, разумеется, и так, что раненых приходилось помещать в малопригодных для этого помещениях; так, например, под Смоленском их разместили в здании городского архива и использовать бумаги, чтобы укрывать тех, кому не хватило одеял (4, 17). После Смоленского сражения катастрофически не хватало перевязочного материала, и французские хирурги «использовали пергамент вместо лубков, кудель и березовые сережки вместо корпии и бумагу, чтобы укрывать пациентов. Но какие трудности невозможно преодолеть?» (4, 31)

¹⁶ Ныне Главный военный клинический госпиталь им. Н.Н. Бурденко.

Хотя труд и степень ответственности главного армейского хирурга наполеоновской армии были огромны, «Мемуары» рисуют нам человека, который интересовался не только тем, что входило в его непосредственные служебные обязанности. Ларрей старался следить за последними достижениями в медицине, например, проводил опыты по гальванизму, провел много опытов на животных, а потом и на человеке – «несчастный случай с одним из солдат дал такую возможность» (1, 59), и удачный результат этих опытов утвердил его в мысли о реальности применения гальванизма в медицине. Где только была возможность, он занимался патологической анатомией и делал вскрытия. Это существенная информация: далеко не все хирурги начала XIX в. проводили регулярные медицинские экспертизы. Но именно тогда патологическая анатомия становится краеугольным камнем клинической медицины. Ж.Н. Корвизар, другой великий врач из наполеоновской когорты, в те же годы на основе патологоанатомических данных разрабатывал диагностические алгоритмы.

Ларрей был весьма внимателен не только к госпиталям, но и к университетам, и к медицинским музеям. Он с восхищением пишет о Падуанском университете, где «с благоговением смотрел на бюсты Морганьи и Везалия, великих медиков, преподававших там» (1, 131). В Берлине его особое внимание привлекла суринамская пипа (1, 4-5) («Такие есть и в парижском королевском кабинете»), в анатомическом музее Вильно он видел скелет дикаря, «очень похожего на орангутанга» (4, 18), но там также была и коллекция черепов казненных преступников, о преступлениях и казнях которых охотно и подробно рассказывали профессора местного университета (4, 16-17).

Разумеется, интересы Ларрея не ограничивались чисто медицинскими сюжетами. Он описывает достопримечательности всех мест, где ему пришлось побывать. В Венеции он восхищается полотнами Караваджо и Тинторетто, Египет считает «самым интересным и богатым местом в мире» (2, 181). Памятники исламской архитектуры в его восприятии находят неожиданные аналогии: «Сравнивая Москву с другими городами, которые мы видели в России, мы были поражены ее величиной, большим количеством церквей и дворцов, прекрасной архитектурой, улицы там чистые, хорошо замощенные <...>. В Кремле между двумя соборами находится цилиндрическая башня, названная “башней Ивана”. Это,

собственно говоря, египетский минарет, на котором подвешено несколько колоколов разной величины» (4, 65). Любознательность не покидала его и в самый сложный период: уже при отступлении из России, измученный и обессиленный, он во Фрамберге страстно желал увидеть обсерваторию «великого Коперника», но слабость помешала до нее добраться (4, 122). Несколько раньше он оказался в Сморгони, знаменитой, по его мнению, тем, «что там есть "нечто вроде академии" (*espèce d'Academie*) для обучения медведей» (4, 104). Не следует думать, что перед нами распространенная фантазия иностранца о России: городок Сморгонь (ныне Гродненская область) еще со времен Речи Посполитой специализировался на дрессировке медвежат для ярмарочных представлений¹⁷.

Многочисленные «лирические отступления» Ларрея не меняют того факта, что он провел много лет на тяжелой войне, видел много страданий и смертей, часто оказывался не в силах спасти умирающих солдат, описывая их терминальное состояние. Бывало так, что некоторые умирали «мирно и спокойно, поскольку один из них сказал мне в свои последние минуты, что пребывает в невыразимом блаженстве» (2, 193). Были и другие смерти: кто-то из раненых «в агонии громко требовал вернуть отрезанную руку». Ларрей пережил и Египетский поход, и отступление из России (он педантично фиксировал изменения температуры), переправу через Березину («Некоторые пытались преодолеть это расстояние вплавь, <...> самые отчаянные и мудрые повернули назад, чтобы попасть в руки русских и избежать страшного зрелища, развертывавшегося перед их глазами» (4, 100)). Несмотря на это, Ларрей почти повсюду выдерживает академический стиль, и лишь изредка в его тексте прорываются эмоции. Таково описание окончания Египетского похода: «Какое счастье было вновь увидеть берега Франции. Я долго пребывал в таком экстазе, что едва осознавал реальность <...>. Чувствовал, что заново родился <...> смог обнять мою дорогую жену и увидеть первые шаги сына, которым она была еще беременна при моем отъезде» (2, 305).

В целом мемуары Ларрея приводят к следующим выводам. Проблема «хирургия и эмоции», поставленная британскими историками, находит интересное решение на французском материале.

¹⁷ Про «русских медведей» в Сморгони в связи с наполеоновским походом см.: *Мельников-Печерский П.И.* На горах. М., 1956. Т. 1. С. 35-36

Система ценностей, присущая Ларрею, отличается существенными особенностями. Самые горячие эмоции Ларрея вызваны отнюдь не сопричастностью к большим идеям. У него не находят отклика ни «сорок столетий, глядящие с вершин пирамид», ни «маршальский жезл в солдатском ранце». Впрочем, из своих многочисленных орденов он больше всего гордился теми, что были получены в наполеоновских походах¹⁸, но в этих походах его волновали не победы Великой армии, а выполненная им врачебная работа. Равным образом в «Мемуарах» он никак не выражает своего отношения к религии, в отличие, скажем, от его младшего современника Н.И. Пирогова, которого опыт войн привел к серьезным религиозным поискам. Однако же, несмотря на личный тяжелый опыт, Ларрей не утратил постоянного доброжелательного интереса к миру в целом, к природе и к людям.

«Мемуары» отражают «профессиональную деформацию», смещенную оптику, отсутствие интереса к политике, строгое следование врачебной этике, сильно развитую эмпатию, сочувствие к страдающим от болезней и бед, стремление не «сделать мир лучше», а оказать помощь конкретному больному. По-видимому, наиболее ярко он выражает свое отношение к профессии, рассказывая о кораблекрушении, в котором погибло много моряков, но некоторых все же удалось спасти: «Какая радость охватывает хирурга, когда он видит, что у спасенного моряка двигаются губы, чувствует биение его сердца, слышит дыхание. Это радость Пигмалиона при виде оживших мраморных пальцев» (1, 84). Из «Мемуаров» следует, что эту «радость Пигмалиона» Ларрей и считал главной наградой врачу.

Список литературы

Бергер Е.Е. «Если бы вы были там» («Путешествия» Амбруаза Парре) // *Universitas historiae*. Сб. статей в честь П.Ю.Уварова. Москва: ИВИ РАН, 2016. С. 371-377 [*Berger E.E.* “Eсли by vy byli tam” («Puteshestviya» Ambruaza Pare) // *Universitas historiae*. Sbornik statej v chest' P.YU.Uvarova. Moskva: IVI RAN, 2016. P. 371-377].

¹⁸ «Когда, в 1838 г., я навестил (вместе с доктором Амюсса) старого Ларрея в Париже, то он нам также тотчас показал свой орден с золотом вышитыми на ленте словами: “Bataille d’Austerlitz”. Но Ларрей скрыл, по крайней мере, свое удивление, а сказал только: “Vous voyez, m-r, ce n’est pas dans les antichambres que j’ai reçu mes décorations”, намекая этим, разумеется, на современные гражданские ордена Франции». - *Пирогов Н.И.* Записки старого врача. Иваново, 2008. С. 423.

- Мельников-Печерский П.И.* На горах. Москва: Художественная литература, 1956 [*Mel'nikov-Pecherskij P.I.* Na gorah. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1956].
- Пирогов Н.И.* Записки старого врача. Иваново: б.и., 2008. [*Pirogov N.I.* Zapiski starogo vracha. Ivanovo, 2008].
- Death of Baron Larrey // *British Medical Journal*. 1842. P. 1-4.
- Épithaphier du vieux Paris, recueil général des inscriptions funéraires. Saint-André-des-Arcs-Saint-Benoît / formé et publié par Émile Raunié. Paris : Impr. Nationale, 1840. Vol. 1.
- Larrey D.J.* Mémoires de chirurgie militaire, et campagnes de D.J. Larrey. Paris: chez J. Smith, Imprimeur-libraire, rue de Montmorency, 1812-1817. Vol. 1-5.
- Larrey D.-J.* Relation historique et chirurgicale de l'expédition de l'armée d'Orient, en Égypte et en Syrie par D.-J. Larrey, docteur de l'École spéciale de médecine de Paris, chirurgien en chef de l'Armée d'Orient. Paris : chez Demonville et sœurs, 1803.
- Le Corps de santé militaire en France, son évolution, ses campagnes, 1708-1782. Paris-Nancy: Berger-Levrault, 1907
- Les Français vus par eux-mêmes. Le siècle de Louis XIV, une anthologie des mémorialistes du siècle de Louis XIV, éditée par A. Niderst. Paris : Robert Laffont, coll. Bouquins, 1997.
- Marchioni J.* Place à Monsieur Larrey, chirurgien de la Garde impériale. Arles : Actes Sud, 2003.
- Mémoires de Napoléon. T. 1 La campagne d'Italie, 1796-1797 Paris : Tallandier, 2010.
- Mémoires de Napoléon. T. 2 La campagne d'Égypte 1798-1799. Paris : Tallandier, 2011.
- Mémoires de Napoléon. T. 3 L'île d'Elbe et les cent-jours, 1814-1815 Paris : Tallandier, 2011.
- Paré A.* Les Œuvres d'Ambroise Paré, ... divisées en vingt huit livres avec les figures et portraits, tant de l'anatomie que des instruments de chirurgie, et de plusieurs monstres, revuës et augmentées par l'auteur. Quatriesme Edition. Paris: Gabriele Buon, 1585.
- Porter R.* The Greatest Benefit to Mankind. New York – London: Norton Company, 1998.
- Soubiran A.* Le Baron Larrey, Chirurgien de Napoléon. Paris: Fayard, 1966.
- Wangensteen O.H., Wangensteen S.D., Klinger Ch.F.* Wound Management of Ambroise Paré and Dominique Larrey, great

French military surgeons of the 16th and 19th centuries // Bulletin of the History of Medicine. 1972. Vol. 46. № 3. P. 207-234.

Zimmerman L. Humanity and compassion in medicine (Ambroise Paré, Baron Dominique-Jean Larrey). Chicago Medical School Quaterly. 1968. № 27. P. 233–234.

Zimmerman L., Veith I. Great Ideas in the History of Surgery. Baltimore: Williams & Wilkins, 1961.

**“JOY OF PYGMALION”:
THE WORLDVIEW OF A SURGEON
AS DESCRIBED IN THE “MEMOIRES” BY
DOMINIQUE-JEAN LARREY**

The article analyzes the inner world of a surgeon as described in the “Memoires” by Dominique-Jean Larrey. An attempt is made to find out to what extent his profession influenced upon his value system. Larrey was indifferent to the politics as well as the purposes of Napoleon wars. The medical profession requires to follow certain rules, and according to them Larrey provided assistance to all the wounded including the prisoners and made interesting observations on habits and customs of various nations. “The Memoirs’ reflect a sort of “professional deformation” of a physician, obeying the principles of medical ethics, great empathy, the compassion to illnesses and troubles, desire to help any individual patient.

Keywords: Dominique-Jean Larrey, war surgery, Ambroise Paré, Napoleon wars

*Elena Berger,
PhD (History), Senior researcher
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences*